

ISSN 2077-5911

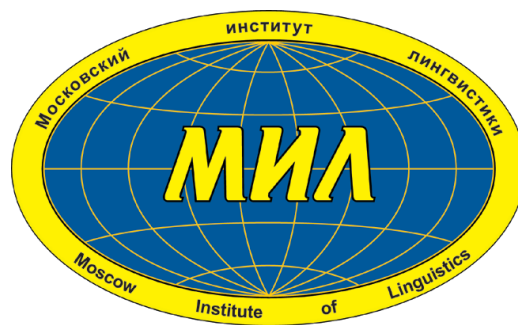
ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

2016

1 (27)

Ψλ

**Институт
Языкознания**
Российской академии наук

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

2016
1 (27)
Москва

JOURNAL OF PSYCHOLINGUISTICS

2016
1 (27)
Moscow

СОУЧРЕДИТЕЛИ:

ФГБУН ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН
НОУ ВПО «МОСКОВСКИЙ ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИКИ»
Регистрационный ПИ № ФС 77-38423
ISSN 2077-5911
Подписной индекс Роспечати 37152

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Тарасов Евгений Федорович, главный редактор, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом психолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Уфимцева Наталья Владимировна, заместитель главного редактора, доктор филологических наук, профессор, заведующая сектором этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Балясникова Ольга Вениаминовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Дмитрюк Сергей Валерьевич, ответственный секретарь, кандидат филологических наук, редактор издательского отдела Московского института лингвистики, Москва (Россия)

Марковина Ирина Юрьевна, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова, Москва (Россия)

Маховиков Денис Викторович, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора общей психолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Свинчукова Елена Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Степанова Анна Александровна, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ахутина Татьяна Васильевна, доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией нейропсихологии факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва (Россия)

Виноградов Виктор Алексеевич, член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом африканских языков Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Гольдин Валентин Евсеевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, Саратов (Россия)

Гриценко Елена Сергеевна, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород (Россия)

Демьянков Валерий Закиевич, доктор филологических наук, профессор, заместитель директора Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Дмитрюк Наталья Васильевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкознания Южно-Казахстанского государственного педагогического института, Чимкент (Казахстан)

Залевская Александра Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка Тверского государственного университета, Тверь (Россия)

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии Волгоградского государственного социально-педагогического университета, Волгоград (Россия)

Караулов Юрий Николаевич, член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор, директор Научного центра русского языка Московского государственного лингвистического университета, Москва (Россия)

Кирилина Алла Викторовна, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе Московского института лингвистики, Москва (Россия)

Ли Тоан Тханг, доктор филологических наук, профессор Вьетнамского института лексикографии и энциклопедий Вьетнамской академии общественных наук, Ханой (Вьетнам)

Мартин Ф. Линч, Ph.D., профессор Университета Рочестера, Рочестер (США)

Мягкова Елена Юрьевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных, социальных и естественнонаучных дисциплин Тверского института экологии и права, Тверь (Россия)

Овчинникова Ирина Германовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры журналистики и массовых коммуникаций Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь (Россия)

Пильгун Мария Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры интегрированных коммуникаций, заместитель руководителя научно-учебной лаборатории исследований в области бизнес-коммуникаций Высшей школы экономики, Москва (Россия)

Поляков Федор Борисович, доктор, профессор, директор Института славистики Венского университета, Вена (Австрия)

Стернин Иосиф Абрамович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета, Воронеж (Россия)

Терентий Ливиу Михайлович, кандидат политических наук, ректор Московского института лингвистики, Москва (Россия)

Чжао Цюе, доктор филологических и педагогических наук, профессор, директор Института славянских языков Харбинского педагогического университета Китая, Харбин (Китай)

Шапошникова Ирина Владимировна, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора русского языка в Сибири ИФЛ СО РАН; заведующая кафедрой истории и типологии языков и культур Новосибирского государственного университета, Новосибирск (Россия)

Шаховский Виктор Иванович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкознания Волгоградского государственного социально-педагогического университета, Волгоград (Россия)

Шкатова Людмила Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор Челябинского государственного университета, Челябинск (Россия)

Научный журнал теоретических и прикладных исследований.

Издается с 2003 года. Журнал выходит 4 раза в год.

Перепечатка материалов из журнала допускается только по согласованию с редакцией.

г. Москва 2016

© ФГБУН Институт языкознания РАН, 2016

© НОУ ВПО «Московский институт лингвистики», 2016

© Авторы, 2016

Подписано в печать 20.03.2016. Формат 70x100/16. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 24,6. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии «Канцлер», г. Ярославль, e-mail: kancler2007@yandex.ru

COFOUNDERS:

INSTITUTE OF LINGUISTICS OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
MOSCOW INSTITUTE OF LINGUISTICS
Registration number № ФС 77-38423
ISSN 2077-5911

EDITORIAL BOARD

Evgeny F. Tarasov, chief editor, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Psycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Natalya V. Ufimtseva, deputy editor, Doctor of Philology, Professor, Head of Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Olga V. Balyasnikova, Candidate of Philology, Senior Researcher, Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Sergey V. Dmitryuk, executive secretary, Candidate of Philology, Editor of the Publishing Department of the Moscow Institute of Linguistics, Moscow (Russia)

Irina Yu. Markovina, Candidate of Philology, Head of the Department of Foreign Languages, Sechenov Moscow State Medical University, Moscow (Russia)

Denis V. Makhovikov, Candidate of Philology, Researcher, Department of General Psycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Elena G. Svinchukova, Candidate of Philology, Department of Foreign Languages, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Anna A. Stepanova, Candidate of Philology, Researcher, Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

ACADEMIC ADVISORY BOARD

Tatyana V. Akhutina, Doctor of Psychology, Professor, Head of the Laboratory of Neuropsychology, Faculty of Psychology, Moscow State University, Moscow (Russia)

Viktor A. Vinogradov, Doctor of Philology, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of African Languages, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Valentin Ye. Goldin, Doctor of Philology, Professor, Professor of Language Theory, History and Applied Linguistics Department, Saratov State University, Saratov (Russia)

Elena S. Gritsenko, Doctor of Philology, Professor, Pro-rector of Nizhny Novgorod State Linguistic University, Nizhny Novgorod (Russia)

Valery Z. Demyankov, Doctor of Philology, professor, deputy director of the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Natalya V. Dmitryuk, Doctor of Philology, Professor, Professor of Linguistics Department, South Kazakhstan State Pedagogical Institute, Shymkent (Kazakhstan)

Alexandra A. Zalevskaya, Doctor of Philology, Professor, Department of English, Tver State University, Tver (Russia)

Vladimir I. Karasik, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of English Philology, Volgograd State Social Pedagogical University, Volgograd (Russia)

Yury N. Karaulov, Doctor of Philology, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Scientific Russian Language Centre of Moscow State Linguistic University, Moscow (Russia)

Alla V. Kirilina, Doctor of Philology, Professor, Pro-rector of the Moscow Institute of Linguistics, Moscow (Russia)

Ly Toan Thang, Doctor of Philology, Professor, Vietnam Institute of Lexicography and Encyclopedia, Vietnam Academy of Social Sciences, Hanoi (Vietnam)

Martin F. Lynch, Ph.D., Professor, the University of Rochester, Rochester (USA)

Elena Yu. Myagkova, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Humanities, Social and Natural Sciences, Tver Institute of Ecology and Law, Tver (Russia)

Irina G. Ovchinnikova, Doctor of Philology, Professor, Department of Journalism and Mass Communications, Perm State National Research University, Perm (Russia)

Maria A. Pilgun, Doctor of Philology, Professor, Professor of Integrated Communications Department, Deputy Head of the Laboratory of Business Communications, Higher School of Economics, Moscow (Russia)

Fedor B. Polyakov, Doctor, Professor, Director of the Institute of Slavic Studies, the University of Vienna, Vienna (Austria)

Iosif A. Sternin, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of General Linguistics and Stylistics, Voronezh State University, Voronezh (Russia)

Liviu M. Terenty, Candidate of Political Science, Rector of the Moscow Institute of Linguistics, Moscow (Russia)

Zhao Qiuye, Doctor of Philology and Pedagogics, Professor, Director of the Institute of Slavic Languages, Harbin Pedagogical University of China, Harbin (China)

Irina V. Shaposhnikova, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of History and Typology of Languages and Cultures, Novosibirsk National Research State University, Chief Researcher of the Sector of the Russian Language, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk (Russia)

Viktor I. Shakhovsky, Doctor of Philology, Professor, Professor of Linguistics Department, Volgograd State Social Pedagogical University, Volgograd (Russia)

Ludmila A. Shkatova, Doctor of Philology, Professor, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk (Russia)

Scientific journal of theoretical and applied researches.

4 issues per year.

The journal has been published since 2003.

All rights are reserved.

The materials can be reprinted only with the agreement of the editorial office.

Moscow 2016

© Institute of linguistics of Russian academy of sciences, 2016

© Moscow institute of linguistics, 2016

© Authors, 2016

IN MEMORIAM

Д.А. Леонтьев, А.А. Леонтьева, Е.Ф. Тарасов (<i>Москва, Россия</i>) Алексей Алексеевич Леонтьев: научная биография.....	10
Т.Н. Ушакова (<i>Москва, Россия</i>) Житель Доброго города (Заметки о встречах с А.А. Леонтьевым).....	18
Б.Х. Бгажноков (<i>Нальчик, Россия</i>) Ученый-романтик.....	25
Ли Тоан Тханг (<i>Ханой, Вьетнам</i>) Незабываемые воспоминания о моем учителе – Алексее Алексеевиче Леонтьеве.....	28
Т.Н. Наумова (<i>Перт, Австралия</i>) Мой забываемый Учитель.....	32
В.И. Шаховский (<i>Волгоград, Россия</i>) Какой же это был необыкновенный человек... Спасибо ему за всё.....	42

COLLEGIUM

Т.В. Ахутина (<i>Москва, Россия</i>) Об Алексее Алексеевиче и спорах вокруг смысла внутреннего слова.....	44
И.А. Бубнова (<i>Москва, Россия</i>), А.П. Клименко (<i>Минск, Беларусь</i>) Психолингвистические проблемы семантики в постнеклассическую эпоху: новое знание как результат взаимодействия традиций и новаций.....	60
А.П. Василевич (<i>Москва, Россия</i>) Опыт оценки индивидуального словарного запаса.....	71
М. Дебрени (<i>Новосибирск, Россия</i>) Лексические отношения в ассоциативных словарях французского языка.....	76
С.И. Дьяков (<i>Севастополь, Россия</i>) Семантические конструкторы субъектной самоорганизации личности.....	89
И.В. Журавлев, Д.В. Маховиков, Е.Ф. Тарасов (<i>Москва, Россия</i>) Онтологические предпосылки научного творчества А.А. Леонтьева: психолингвистика и психология.....	105
А.А. Залевская (<i>Тверь, Россия</i>) А.А. Леонтьев и теория значения слова.....	122
А.В. Кирилина, Л.М. Терентий (<i>Москва, Россия</i>) Опыт лингвистической диагностики межнациональной напряженности в интернет-дискурсе.....	130
А.В. Колмогорова (<i>Красноярск, Россия</i>) <i>Так детство миновало.</i> <i>ты твердила нотации и я примерным стал...</i> : жанр нотации как речевая форма психологического воздействия в семейном общении.....	140
Л.А. Мардиева (<i>Казань, Россия</i>) «Двойной субъект» и его проявления в процессах медиакоммуникации (личностные смыслы и социальные стереотипы как составляющие семантики слова).....	152
Д.Б. Никуличева (<i>Москва, Россия</i>) Вербализации времени в английском языке и экспериментальное исследование интероцепции биографического времени англоязычными информантами.....	165
А.А. Нистратов (<i>Москва, Россия</i>) Исследование структуры ассоциативных и категориальных семантических полей.....	180
А.Л. Онакова, И.В. Ружицкий (<i>Москва, Россия</i>) Цепочка ассоциаций как лингвометодическая категория.....	186
А.В. Рудакова, И.А. Стернин (<i>Воронеж, Россия</i>) Психолингвистический эксперимент и описание семантики слова.....	194
К.Я. Сигал (<i>Москва, Россия</i>) Эллипсис как речевой процесс (на материале словосочетаний).....	209
А.М. Улановский (<i>Москва, Россия</i>) Феноменология разговора: метод конверсационного анализа.....	218

Н.В. Уфимцева (<i>Москва, Россия</i>) Языковая картина мира: проблемы моделирования.....	238
Чжао Цюе (<i>Харбин, Китай</i>) А.А. Леонтьев как психолингвист: его вклад в теорию речевой деятельности и методологию, в развитие китайской психолингвистики и методики обучения языкам.....	250
И.В. Шапошникова (<i>Новосибирск, Россия</i>) Мотивационная база реформы образования и языковая политика.....	256
В.И. Шаховский (<i>Волгоград, Россия</i>) Формирование коммуникативной компетенции через обучающую коммуникацию (к методике через лингвистику).274	
Н.М. Юрьева (<i>Москва, Россия</i>) Зарубежная наука о становлении устного нарратива у детей: к основам когнитивного подхода – от Л.С. Выготского к А. Эпплби.....	284

НАШ АРХИВ

ИЗ ИСТОРИИ МОСКОВСКОЙ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

А.А. Леонтьев (<i>Москва, Россия</i>) Языковое сознание и образ мира.....	296
А.А. Леонтьев (<i>Москва, Россия</i>) О работе проблемной группы психолингвистики Института Языкознания АН СССР.....	300
Ю.А. Сорокин (<i>Москва, Россия</i>) Нас было немного.....	301
Список симпозиумов и книг	304

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ИНФОРМАЦИЯ

IN MEMORIAM

Dmitriy A. Leontiev, Anna A. Leontieva, Evgeniy F. Tarasov (*Moscow, Russia*) Aleksey Alekseevich Leontiev: Academic CV.....10

Tatiana N. Ushakova (*Moscow, Russia*) Inhabitant of a Big-hearted Town (Notes on Meetings with A.A. Leontiev).....18

Barasbi Kh. Bgazhnokov (*Nalchik, Russia*) Romantic Writer.....25

Ly Toan Thang (*Hanoi, Vietnam*) Memories of my Teacher – Aleksey Alekseevich Leontiev.....28

Tatiana N. Naumova (*Perth, Australia*) My Unforgettable Teacher.....32

Viktor I. Shakhovskiy (*Volgograd, Russia*) What a Wonderful Man he was... Thank him for Everything.....42

COLLEGIUM

Tatiana V. Akhutina (*Moscow, Russia*) Aleksey Alekseevich Leontiev and debates around the term “sense of inner word”.....44

Irina A. Bubnova (*Moscow, Russia*), **Anna P. Klimenko** (*Minsk, Belarus*) Psycholinguistic Problems of Semantics in the Postnonclassic Epoch: New Knowledge as Consequence of Interaction between Traditions and Novations...60

Aleksandr P. Vasilevich (*Moscow, Russia*) On Evaluating the Idiolect Vocabulary Size.....71

Michèle Debrenne (*Novosibirsk, Russia*) Lexical Relations in Dictionaries of Verbal Associations of French.....76

Sergey I. Dyakov (*Sevastopol, Russia*) Semantic Constructs of Subjective Personality Self-Organization.....89

Ignaty V. Zhuravlev, Denis V. Makhovikov, Evgeniy F. Tarasov (*Moscow, Russia*) Ontological Foundations of Alexey A. Leontiev’s Conception: Psycholinguistics and Psychology.....105

Aleksandra A. Zalevskaya (*Tver, Russia*) Alexey A. Leontiev and Word Meaning Theory.....122

Alla V. Kirilina, Liviu M. Tenrentiy (*Moscow, Russia*) Linguistic Analyses of Interethnic Tensions in Internet Discourse.....130

Anastasia V. Kolmogorova (*Krasnoyarsk, Russia*) Speech Genre of Notation as a Form of Psychological Influence within the Family Communication Framework.....140

Lyaylya A. Mardieva (*Kasan, Russia*) “Double Subject” and its Manifestation in the Processes of Media Communication (Personal Meanings and Social Stereotypes as Compounds of the Word Semantics).....152

Dina B. Nikulicheva (*Moscow, Russia*) Verbalizations of Time in the English Language and Experimental Research of Biographical Time Representations by English Speakers.....165

Aleksandr A. Nistratov (*Moscow, Russia*) Structure of Associative and Categorical Semantic Fields: A Comparative Analysis.....180

Anna L. Onyakova, Igor V. Ruzhitskiy (*Moscow, Russia*) Association Chain as a Linguistic and Methodological Category.....186

Aleksandra V. Rudakova, Iosif A. Sternin (*Voronezh, Russia*) Psycholinguistic Experiment and Description of Word Semantics.....194

Kirill Ya. Seagal (*Moscow, Russia*) Ellipsis as a Speech Process (On the Material of Word-Combinations).....209

Alexey M. Ulanovskiy (*Moscow, Russia*) Phenomenology of Conversation: Method of Conversation Analysis.....218

Content

Natalia V. Ufimtseva (<i>Moscow, Russia</i>) Language Picture of the World: Problems of Modelling.....	238
Zhao Qiuye (<i>Harbin, China</i>) Alexey A. Leontiev as a Psycholinguist: His Contribution to the Theory of Speech Activity, the Development of Chinese Psycholinguistics and the Methodology of Teaching Foreign Languages.....	250
Irina V. Shaposhnikova (<i>Novosibirsk, Russia</i>) Motivational Base of the Reform in Education and Language Policy.....	256
Viktor I. Shakhovskiy (<i>Volgograd, Russia</i>) Forming of Communicative Competence through Teaching Communication (to Methodology Through Linguistics).....	274
Nadezhda M. Yurieva (<i>Moscow, Russia</i>) International Studies in Narrative Development: towards the Basis of Cognitive Approach – from L.S. Vygotsky to A. Applebee.....	284

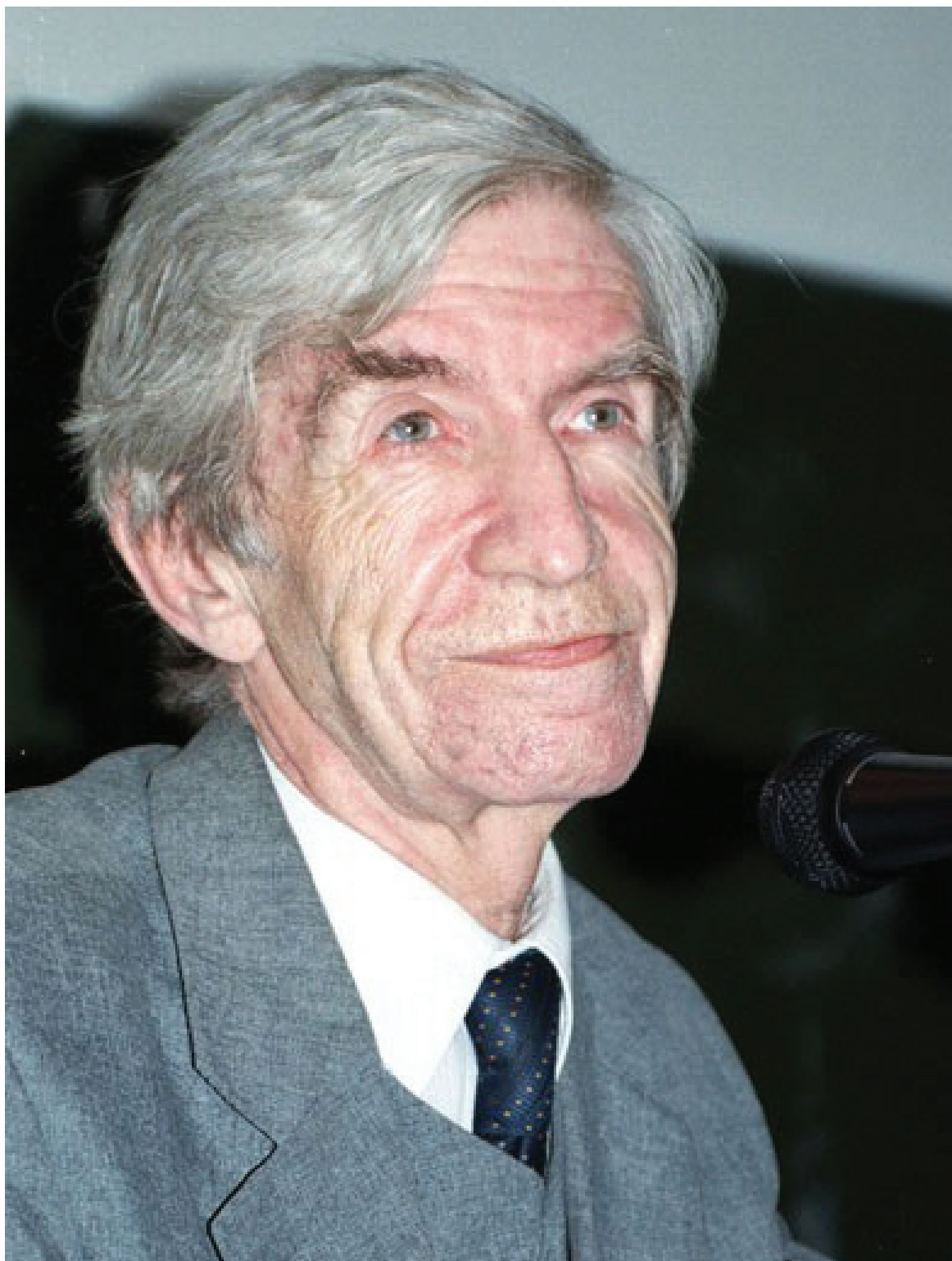
OUR ARCHIVE

FROM THE HISTORY OF THE MOSCOW SCHOOL OF PSYCHOLINGUISTICS

Aleksey A. Leontiev (<i>Moscow, Russia</i>) Language Consciousness and Image of the World.....	296
Aleksey A. Leontiev (<i>Moscow, Russia</i>) Work of Psycholinguistic Task Group in the Institute of Linguistics, Academy of Sciences of the USSR.....	300
Yuri A. Sorokin (<i>Moscow, Russia</i>) We were only a few.....	301
List of Conferences and Books.....	304

NOTES ON CONTRIBUTORS

INFORMATION

**Алексей Алексеевич Леонтьев
14.01.1936 – 12.08.2004**

А.М. Улановский

УДК 81'23

**ФЕНОМЕНОЛОГИЯ РАЗГОВОРА:
МЕТОД КОНВЕРСАЦИОННОГО АНАЛИЗА¹**

Статья посвящена рассмотрению конверсационного анализа – одного из современных методов изучения повседневных разговоров и интеракции. В статье представлен обзор истории исследований разговора и ключевые подходы к его изучению в лингвистике, этнографии, социологии, психологии и смежных областях. Представлены ключевые идеи, допущения и принципы конверсационного анализа. Рассмотрены отдельные феномены повседневного разговора: смена очереди, последовательность, сигналы перехода очереди, смежные пары, предпочтительные части ответа.

Ключевые слова: разговор, интеракция, конверсационный анализ, метод, исследования.

Alexey M. Ulanovsky

**PHENOMENOLOGY OF CONVERSATION:
METHOD OF CONVERSATION ANALYSIS**

The article outlines conversation analysis as one of the contemporary methods for studying everyday conversations and interactions. It includes an overview of the history of conversation research and its key approaches in linguistics, ethnography, sociology, psychology and their subdisciplines. The article presents the key ideas, assumptions and principles of conversation analysis. It also considers some special phenomena of everyday conversation: turn-taking, sequences, turn signals, adjacency pairs, preferred options in answers.

Keywords: conversation, interaction, conversation analysis, method, research.

Введение

Наши представления о повседневном разговоре за последние полвека существенно расширились с достаточно разрозненных наблюдений до вполне обширных данных и системных теорий. Вплоть до 1960-х годов было не много попыток последовательного эмпирического изучения повседневного разговора [Coulthard 1985], а доминирующей установкой в науках о языке было предпочтение абстрактного лингвистического анализа прямому анализу спонтанного общения из стремления изолировать его от множества ситуативных факторов [Лабов 1975]. Сложность изучения разговора связана с присутствием в нем «неправильных» лексических

¹ Статья подготовлена в ходе работы (№14-01-0177) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2014-2016 гг. и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

и грамматических форм, множества сбоев и исправлений у говорящих, бессмысленных, беспорядочных сигналов, а также с вариативностью выражений, сильной опорой говорящих на внеязыковую ситуацию, требующей расшифровки, использованием невербальных средств, трудностью регистрации спонтанного общения [Лабов 1975; Земская 2011].

Сегодня некоторые из этих затруднений значительно преодолены (например, возможность высокоточной аудио и видео записи разговора), а некоторые переосмыслены (например, вес «неправильных» и беспорядочных элементов, сбои и коррекции как поддающиеся анализу действия говорящих [Лабов 1975]). В настоящий момент изучение разговора – это междисциплинарная область, объединяющая в себя работы, выполненные в рамках социолингвистики, этнографии речи, социальной психологии, психотерапии, исследований коммуникации и интеракции, дискурс-анализа, логики, социологии, философии.

Среди существующих современных подходов и методов одно из центральных мест принадлежит методу анализа разговоров, или *конверсационному анализу*, как принято его называть в русскоязычной литературе [Исупова 2002; Макаров 2003; Турчик 2010; Корбут 2015]. Этот метод, представленный в 1970-х годах Х. Саксом и его ближайшими коллегами [Сакс, Щеглофф, Джефферсон 2015; Sacks 1984a; 1992], получил в последние два десятилетия бурное развитие и распространение в социальных науках и прикладных областях. Исследования с помощью этого метода охватывают широкий круг типовых разговоров в различных ситуациях: в зале суда, школьном классе, кабинете доктора, в полиции, на бизнес-совещаниях, в новостных интервью, телевизионных новостях, политических речах и других медиа-событиях [Psathas 1995].

Для психологии и смежных областей, включая психолингвистику, этот метод интересен тем, что он дает возможность взглянуть на процессы разговорного взаимодействия (индивидуального и группового) прямым, детальным и систематичным образом. Связь конверсационного анализа с психологической проблематикой можно обнаружить в самих его истоках – он зародился в ходе анализа телефонных звонков в Центр предотвращения самоубийств [Psathas 1995]. В широком смысле данный метод рассматривается как разновидность качественной методологии анализа [Улановский 2012; Бусыгина 2013]. Цель данной статьи – рассмотреть ключевые принципы и черты метода, а с другой – раскрыть саму феноменологию живого, повседневного разговора, обобщив находки в рамках конверсационного анализа.

Подходы, концепции и области исследований разговора

Благодаря этнографическим исследованиям Б. Малиновского середины 1920-х годов была осознана роль контекста разговора и культуры для понимания самых простых реплик людей в бытовых ситуациях [Halliday, Hasan 1989]. Молодой коллега Малиновского Дж. Фирс был первым среди лингвистов, кто проявил интерес в конце 1930-х годов к анализу разговора в ситуативном контексте [Firth 1957]. Его подход был в конце 1950-х годов развит в эмпирических исследованиях Т. Митчела и Харриса [Coulthard 1985], а позднее в рамках системно-функциональной лингвистики М. Холлидея [Halliday 1978].

Весомый вклад в разработку этой тематики в 1970-е годы внесли работы Д. Хаймса и его коллег в области этнографии говорения [Хаймс 1975], а также ра-

боты У. Лабова и представителей социалингвистики, отдавших предпочтение полевым исследованиям вместо заочных и «кабинетных» [Лабов 1975]. Параллельная с этим линия: работы в рамках теории речевых актов Дж. Остина, П. Строссона, Дж. Серля, обратившие взгляд на говорящего субъекта, адресата и их коммуникативные намерения [Остин 1986; Арутюнова 1990; Улановский 2004], а также работы П. Грайса, описавшего разговорные правила и максимы [Grice 1975].

В социологии И. Гофман предложил оригинальный драматургический подход к анализу разговора и интеракции, указав на игровую природу разговора и ритуалы взаимодействия, которым следуют общающиеся [Гофман, 2000; 2014]. А другой видный социолог и создатель этнометодологии Г. Гарфинкель проявил интерес к практикам, с помощью которых общающиеся производят локальный порядок в разговоре, делая социальный мир рациональным, уместным, обоснованным [Гарфинкель 2007]. Под влиянием идеи порядка интеракции Гоффмана и этнометодологии Гарфинкеля и оформился метод конверсационного анализа Х. Сакса [1992], который пожелал уйти от чрезмерного теоретизирования и оставаться на описательной близости с феноменами повседневного разговора (такими как приветствие, представление, открытие разговора, закрытие), чтобы рассмотреть их в формальных аналитических терминах (очередь, структуры последовательности, смежные пары и т.д.) [Psathas 1995]. Более подробно мы представим этот метод ниже, отметим лишь, что в настоящее время этнометодология и конверсационный анализ рассматриваются фактически как единая традиция, в которой первая задает общую методологию, а второй представляет собой конкретный метод исследования.

Массивный пласт работ с анализом разговора принадлежит различным вариантам дискурс-анализа, активно развивающимся с 1970-х годов по сей день и представляющим собой детальный анализ естественно протекающего разговора, его организации, смысла и действия на разных уровнях [van Dijk 1999]. Среди них: Бирмингемская школа Коултарда и Синклайр, описавшая типовые структуры обменов репликами в школьном классе, медицинской консультации, телевизионных викторинах [Sinclair&Coulthard 1975; Coulthard&Montgomery 1981; Berry 1981]; работы Т. ван Дейка и других представителей критического дискурс-анализа, изучающих проявление в разговоре власти, злоупотреблений, доминирования и неравенства [van Dijk 2001]; социальный конструкционизм К. Гергена и Дж. Шоттера [Gergen 1994; Shotter 1993] и близкую ему дискурсивную психологию Дж. Поттера, которые рассматривают способы конструирования в разговоре различных конвенциональных реальностей и психологических структур [Potter 2003]; теорию позиционирования Р. Харре и соавторов, рассматривающих разговор с точки зрения позиций, которые занимают участники в разговоре [Harre, Moghaddam, Cairnie, Rothbart, Sabat 2009; Кутковая 2014].

В психологии прообразы детального разбора повседневных разговоров и взаимодействия врач – пациент можно найти в работах З. Фрейда начала 20-го века, который заложил интерпретативную психоаналитическую традицию к рассмотрению терапевтических сессий и первичных интервью [Фрейд 2006]. Противоположный по процедуре заход – использование формализованных схем анализа. Яркий пример такого захода – модель интеракционного процесс-анализа Р. Бейлза, получившая широкое распространение в социальной психологии и предполагающая

многоуровневое наблюдение за коммуникацией в группе с помощью фиксированной системы категорий [Bales 1951; Miller 2010]. Продуктивным для понимания бытового разговора и психотерапевтической практики стал подход П. Вацлавика, Дж. Бивина, Д. Джексона, развивавших идеи Г. Бейтсона [2000] и нацеленных на поиск интеракционных паттернов в разговоре, анализ последовательности взаимодействий и кругообразности, различных уровней сообщений (уровень содержания и взаимоотношений, метакоммуникации) и связанных с этим нарушений и недопонимания [Вацлавик, Бивин, Джексон 2000].

Современную область автоматических компьютерных исследований разговора в психологии можно свести к нескольким большим темам: обращение-адресование говорящего (кто кому говорит в каждый момент времени), паттерны смены очереди (контроль слова, дискуссия или монологи и пр.), уровень интереса (моменты, когда участники или группа в высшей мере вовлечена в разговор), доминирование и влияние (управление разговором, влияние на ход совещания, смещение фокуса разговора и т.п.) [Gatica-Perez 2009]. Наконец, существует корпус количественных и качественных исследований с помощью метода контент-анализа [Berelson 1952; Gottschalk, Lolas, Viney 1986; Winter 1992]. Среди этих работ выделяются, в частности, исследования и методические разработки Дж. Пеннебекера, позволяющие делать прогнозы относительно таких феноменов как лидерство, статус, власть в разговоре и группе [Pennebaker 2011].

Больше, чем разговор: разговор как социальное взаимодействие

Конверсационный анализ как специализированный метод возник в конце 1950-х годов в ходе решения Х. Саксом прикладного запроса экспертизы телефонных звонков в Центр предотвращения самоубийств в Лос-Анджелесе. Его активное развитие и популярность в последние десятилетия хорошо укладывается в тренды развития социальных наук: их поворот к языку и дискурсу в 1970-е годы, а сегодня – в их поворот к практике и ориентацию на решение прикладных задач [Llewellyn, Hindmarsh 2010].

Конверсационный анализ – метод строгого и систематичного описания и анализа *естественно протекающего разговора* [Potter, Hepburn 2010]. В фокусе его рассмотрения традиционно оказываются правила, техники, процедуры, методы, максимы, которые используются собеседниками для воспроизводства и поддержания упорядоченности разговора [Sacks 1984b]. Говоря проще, это изучение того, «как “работает” разговор» [Sacks 1984a]. В более широком смысле, который разделяет сегодня большинство сторонников метода, конверсационный анализ – строгий и систематичный метод изучения *социальной интеракции* вообще, а не просто разговорных феноменов [Potter, Hepburn 2010]. Дж. Псатас и вовсе полагает, что термин «конверсационный анализ» неудачен, так как сегодня описываемый метод ориентирован на *разговор-во-взаимодействии*, что является более широкой и объемлющей темой [Psathas 1995]. Щеглофф, предложивший термин «разговор-во-взаимодействии», отмечал, что анализ высказывания во взаимодействии и контексте – позволяет увидеть еще большую сложность, синтаксическую и психологическую, стоящую за этим высказыванием [Schegloff 1984]. В этой связи, еще более подходящим термином может служить «интеракционный анализ», или «анализ взаимодействия» [Psathas 1995].

Деятельностный подход к разговору

В некотором роде разговорный анализ близок к деятельностной трактовке языка и речи, традиционной для отечественной психолингвистики и, в частности, для Московской психолингвистической школы [Леонтьев 1974; 2001; 2008; Зимняя 1974; Тарасов 1974]. В обоих случаях разговор рассматривается как форма социального действия. П. Дрю и Дж. Херитейдж отмечают, что деятельностный фокус – одна из отличительных черт разговорного анализа [Drew, Heritage 1992]. В противовес двум условным полюсам в исследовании разговора, акцентирующим, с одной стороны, культуру и социальную идентичность, а с другой – лингвистические переменные (отбор слов, синтаксис, фонологию и пр.) – разговорный анализ рассматривает отдельные действия и деятельности говорящих в интеракции и в определенном контексте [там же].

При этом отечественная теория речевой деятельности исторически, начиная с Л.С. Выготского [1982], сосредоточилась в значительной мере на разработке проблематики высказывания как интра-психического и индивидуального действия говорящего (с его мотивами, целями, операциями и т.п.). Сторонников же разговорного анализа традиционно интересовал разговор как то, что возникает «между» людьми или совместно и разворачивается как «овнешненные» действия участников разговора. Это предполагает отход от рассмотрения речевых действий и актов к единицам большим, чем индивидуальные предложения и высказывания – к последовательностям деятельности и единицам очередности [Drew, Heritage 1992].

В этом смысле разговорный анализ представляет собой если не деятельностную, то совместно-деятельностную, или взаимно-деятельностную методологию, в которой предметом анализа становятся действия говорящих, направленные друг на друга и определяющие друг друга. К примеру, разбирая ситуацию вопрос-ответ, Т. Стиверс и Ф. Роззано указывают на то, что давление дать ответ на вопрос мобилизуется говорящим через различные измерения действия: через взгляд, интонацию, познавательный дисбаланс между действующими лицами, вопросительный синтаксис или морфологию [Stivers, Rossano 2010].

В этом мы можем заметить эволюцию разговорного анализа: движение от методологии изучения разговоров к изучению разговоров-во-взаимодействии, а сейчас ко все более объемлющей *методологии изучения взаимодействия*, методологии анализа интеракции.

Феноменология разговора и принципы анализа

В сравнении с другими методами изучения разговора разговорный анализ минимально отсылает нас к каким-то пристрастным философским и теоретическим позициям. Тем не менее, он развивался не в вакууме и, как мы уже отмечали, испытал влияние существующих научных и философских традиций. Одна из них – феноменология. Один из тезисов, который мы обосновываем в этой статье, заключается в том, разговорный анализ представляет собой, по сути, вариант феноменологии разговора. Он хорошо соотносится с ключевыми принципами феноменологии: обращение к изучению повседневного опыта, избегание предуготовленных теорий, внимание к деталям и контексту для понимания смысла [Улановский 2012].

1. Повседневные разговоры как объект изучения

Интерес к феноменологии повседневного разговора достался конверсационному анализу по наследству от этнометодологии Г. Гарфинкеля [2007], который опирался в свою очередь на феноменологическую концепцию повседневного опыта А. Шюца [2004]. Конверсационный анализ и этнометодология – две традиции социальных наук, ориентированные на «эстетику земного», естественный разговорный опыт [Silverman 2000]. Они отражают интерес не к «большим проблемам», а к «ужасно земным» и локальным, говоря словами Х. Сакса [Sacks 1984a]. Именно поэтому в качестве материала для анализа в этих традициях используются не идеализированные и смоделированные высказывания, а реальные разговоры – в быту, на работе, в общении с врачом или административным работником. Данные для исследования могут браться из любого доступного источника, единственное требование к ним – они должны естественно возникать, а не производиться с целью исследования, как в случае экспериментов или контролируемых наблюдений [Psathas 1995].

2. Наивность исследователя и средства анализа

Сакс и другие ранние аналитики разговора стремились развивать науку, которая сохраняла бы связь с описательной феноменологией мира [Psathas 1995]. Как отмечает Дж. Псатас, это означает изучать мир в его собственных терминах, оставаться в описательной близости к самим разговорным феноменам без использования «теоретического микроскопа», собранного из абстрактной терминологии [там же]. Х. Сакс стремился использовать концептуализацию, которая удерживала бы очевидность разговорной реальности, и формальные аналитические термины, которые выводились из данных: последовательные структуры, спаренные высказывания, смежные пары и т.п.

В этом смысле стратегия конверс-аналитиков противоположна известному в психологии подходу к анализу интеракции Р. Бейлза, который выделил классификационную систему категорий, описывающую основные типы ориентации участников в групповом взаимодействии (позитивное социоэмоциональное поведение, предложение ответов, постановка вопросов, негативное социоэмоциональное поведение) [Bales 1951]. Несмотря на то что эта схема удобна при разборе группового обсуждения и до сих пор используется в практике, она содержит ряд недостатков: системы категорий оказываются предзаданными, они упрощают сложность взаимодействия, сводя его лишь к 12 типам действий участников, игнорируют контекст и приносят в жертву понимание ситуационных смыслов ради количественных показателей частоты встречаемости типов поведения [Psathas 1995].

В конверсационном анализе многообразие интеракционных феноменов не отбирается на основе заранее сформулированных теорий, которые определяют большую или меньшую значимость того или иного признака [там же]. Н. Левеллин и Дж. Хиндмарш называют эту установку «познавательной теоретической наивностью» [Llewellyn, Hindmarsh 2010], а Дж. Псатас – *немотивированным взглядом* [Psathas 1995]. Описывая дизайн организационных исследований и, в частности, исследований переговорного процесса, Боден говорит о необходимости «заклечения в скобки» различных наших допущений о переговорах, чтобы иметь возможность видеть ясные структурные элементы, из которых они конструируются [Boden

1995]. Это означает избегание формулировок, которые привлекают словари и теоретические/объяснительные схемы, которые обычно используются в исследованиях организаций: роли, нормы, статус, контроль, авторитет, иерархия [Psathas 1995].

3. Динамика контекста и смысл реплик

Конверсационный анализ объединяет в себе интерес к трем большим областям: 1) структуре разговора, 2) социальному взаимодействию и 3) контексту. Анализ контекста в данном случае означает анализ реплик в неразрывной связи с тем, что говорилось до и после них, предыдущим и следующим говорящим, а также обстановки говорения (зал суда, школьный класс, кабинет врача и т.п.). Г. Гарфинкель в своих оригинальных исследованиях по этнометодологии, основанных на изменении привычных правил и условий разговора (таких как использование психологом-консультантом по ходу сессии случайно-выбранных ответов «да» или «нет» на вопросы студента), наглядно показал, насколько легко контекстуальные элементы предыдущих ответов и самой ситуации привлекаются собеседником (студентом) для придания смысла совершенно причудливым поворотам разговора [Гарфинкель 2007; Drew, Heritage 1992].

Смысл высказывания, с этой точки зрения, – это интерактивный продукт того, что было спроецировано предыдущими поворотами, или очередями разговора [Drew, Heritage 1992]. Вопрос о смысле в конверсационном анализе решается через сверку того, «что случилось перед этим» и «что было дальше», принимая во внимание способ, которым сами участники показывают, какой смысл они придают тому, что произошло [Psathas 1995]. Очевидно, что для более глубокого понимания взаимодействия нам следует говорить не столько о смысле высказывания, сколько о *смысле действия*, выполняемого говорящим и находящегося в связи и последовательности с другими действиями говорящего и его собеседника.

Как отмечает П. Дрю и Дж. Херитейдж, каждое действие собеседников в последовательности реплик формирует немедленный контекст для следующих действий и одновременно задает рамку для понимания этих последующих действий [Drew, Heritage 1992]. Разговор, согласно данным авторам, вдвойне контекстуален: 1) он формируется контекстом и не может быть понят без отсылки к нему; 2) он обновляется контекстом. Такое *динамическое* понимание контекста отличается от его трактовки как своеобразного «ведерка», в котором «содержатся» высказывания-действия общающихся [там же]. Через рассмотрение черт контекста, на который ориентируются сами общающиеся, в данном подходе решается и вопрос о релевантности анализа [Hindmarsh, Llewellyn 2010].

4. Детали взаимодействия и фиксация данных

Конверсационный анализ – анализ микроскопический в том смысле, что его цель – схватить уровень деталей [Potter, Hepburn 2010]. Х. Сакс говорил о том, что его исследования – о деталях разговора [Sacks 1984a] и полагал, что их раскрытие может помочь нашему пониманию того, как люди осуществляют повседневные способы действия [Турчик 2010]. Д. Боден отмечала, что глубокое понимание социальной жизни требует не надстройки и абстракции, а внимания к «мелкозернистым деталям» ее протекания от момента-к-моменту и ее временной, пространственной

и последовательной организации [Boden 1994]. Проблема многих наших попыток понять разговор-во-взаимодействии заключается в том, что часто в погоне за объяснением, почему действия происходят, могут ускользать от взгляда ясные детали того, как они организованы [Boden 1995].

Описание нюансов взаимодействия важны и для того, чтобы каждый мог проверить, так ли нечто было сказано [Sacks 1984a]. Для фиксации этого микроуровня взаимодействия Г. Джефферсон была разработана специальная система кодировки, описывающая такие мельчайшие характеристики, как паузы и их продолжительность, обрывы и прерывания, наложения реплик одновременно говорящих собеседников, акцентирование реплики, крик, «проглоченные слова», вдох и выдох, смех и т.п. [Сакс и др. 2015, Psathas 1995, Турчик 2010].

Стоит отметить, что в современных работах уделяется настолько большое внимание скрупулезности кодировки и разбору транскрибированных записей, что высказывается даже мнение о том, что конверсационный анализ постепенно утрачивает свои феноменологические корни, превращаясь в «текстовый позитивизм» [Oswick, Richards 2004]. Тем не менее, именно благодаря своей аккуратности этот метод стал шагом в направлении создания «естественно-наблюдающей дисциплины», имеющей дело с деталями социального взаимодействия в строгом, эмпирическом и формальном виде [Coulthard 1985].

Анализ разговора как вид качественных исследований

Конверсационный анализ оправданно относят к классу *качественных методов*, имеющих дело с содержательным раскрытием, описанием, анализом и интерпретацией явлений без обращения к числовым показателям и статистике [Улановский 2012]. Согласно одному из емких определений, конверсационный анализ имеет дело с открытием, идентификацией, описанием и анализом процедур, использующихся участниками в осуществлении каждодневных социальных действий [Psathas 1995].

В сравнении с другими качественными методами, большинство из которых имеет дело с некоторым текстовым содержанием и представлениями испытуемых, конверсационный анализ имеет дело с целостным действием и взаимодействием говорящих. Он уделяет внимание не просто ответам испытуемых, но специфической организации взаимодействия [Hindmarsh, Llewellyn 2010]. Кроме того, новые возможности регистрации и записи естественных разговоров позволяют напрямую и глубже проникнуть в человеческие практики, нежели опросники, интервью или даже классические этнографические заметки и наблюдения [Potter, Herburn 2010]. В каком-то смысле подобного рода исследования открывают «черный ящик», позволяя увидеть реальное поведение людей и организаций [там же].

Использование примеров как методический прием

Методологический прием, использующийся в разговорно-аналитической традиции – *метод примеров* (method of instances). Пример – это конкретное событие, черты и структура которого изучается для раскрытия того, как оно организовано [Psathas 1995]. Буквально он представляет собой короткие выдержки из разговора с обменом репликами говорящими (обычно от 4 до 10 реплик, иногда несколько десятков, но редко больше) с кратким пояснением ситуации разговора.

Этот метод схож с методом анализа индивидуальных случаев, или кейс-стади [Семенова 1998; Улановский 2012]. Отличие лишь в том, что индивидуальный случай обычно по размеру больше примера и представляет собой развернутое событие и его всестороннее описание (например, случай болезни, история отдельной личности или организация); для его анализа обычно привлекаются данные из всевозможных дополнительных источников, таких как биография, фактологические сведения, рефлексивные самоотчеты; и в ходе него допустимо делать выводы, например, о переживаниях человека, мотивах его поступков, внутренней психологической динамике. Конверсационные аналитики же избегают любых априорных и неочевидных суждений о мотивах и состояниях говорящих в пользу пристального изучения самой динамики и «машинерии» разговора [Heritage 2008]. По меткому выражению Н. Левеллин и Дж. Хиндмарш, аудиозаписи разговоров не трактуются как «окна» в мир установок, мнений, убеждений [Hindmarsh, Llewellyn 2010].

Уникальная адекватность vs статистическое обобщение

Наконец, отметим, что квантификация и статистическое обоснование не рассматриваются как сущностные условия для подобного типа анализа разговора [Schegloff 1993]. То, насколько периодически, широко или часто встречаются разбираемые примеры и их элементы, является незначимым для задачи показать то, как единичное явление организовано [Psathas 1995]. Как указывает Э. Щеглофф, никакое число других эпизодов не отменяет факта, что эти случаи проходили именно так, как проходили [Schegloff 1993]. Дополнительные примеры трактуются как другие примеры, а не как защита допустимости описания как такового [Benson, Hughes 1991]. Метод анализа разговора стремится не к «эмпирическому обобщению», а скорее к тому, чтобы анализ соответствовал критерию *уникальной адекватности* [Garfinkel, Sacks 1970].

При этом существуют заметные отличия этого метода от других качественных методов: опросов и интервью, этнографических наблюдений и комментариев испытуемых на рабочем месте, самоотчетов и дневниковых исследований. Во-первых, конверсационный анализ имеет дело не с субъективными представлениями, намерениями, ценностями и переживаниями испытуемых, а с реальными *действиями говорящих* в разговоре. Во-вторых, он предполагает прямой фокус на записанных разговорах, что позволяет преодолеть базовые проблемы, связанные с разрывом между убеждениями и действием, между тем, что люди говорят и что они делают [Drew, Heritage 1992].

Фундаментальная природа разговора: смена очереди и последовательность

Черты, правила и нюансы разговора

Конверсационный анализ можно назвать формой *инвентаризации разговора*: выделения и описания его черт, паттернов, принципов, негласных правил и форм динамики. Х. Сакс, Э. Щеглофф и Г. Джефферсон в своей программной статье 1974 года описали множество черт и правил: например, непредзаданность содержания и темы высказываний, вариативность размера реплики каждого из говорящих, количества чередов, числа участников, непредопределенность четкой продолжительности разговора [Сакс и др. 2015]. Эти черты отражают *высокую гибкость* по-

вседневного разговора², которую можно описать тезисом: каждый вправе говорить о чем хочет, когда хочет и сколько хочет [Турчик 2010]. В полевых исследованиях конверсационных аналитиков было подмечено и описано множество нюансов взаимодействия, из которых соткан повседневный разговор. Например, тематические переходы, использование фразы собеседника для начала своей реплики как «вербального трамплина», рециркуляция или повторный цикл фразы, когда человек воспроизводит прерванную или наложившуюся фразу еще раз; резюмирующие утверждения и др. [Boden 1994; 1995].

Очередь как единица разговора

Из всего многообразия феноменов разговора смена говорящих, или очередность, занимает исключительное положение. С точки зрения конверсационного анализа, это базовая форма организации любого разговора, неизменная по отношению к участникам [Сакс и др. 2015], а еще шире – наиболее фундаментальная единица социального действия» [Boden 1994]. С точки зрения Х. Сакса, разговор – это ряд из по крайней мере двух переходов [Coulthard 1985]. Последовательная организация разговора используется в конверсационном анализе как модель описания и объяснения всевозможных черт, правил и принципов построения разговора.

Последовательная организация взаимодействия была одним из первых открытий Сакса, сделанных им во время разбора телефонных звонков в Центр предотвращения самоубийств. Он заметил, что первые действия говорящего делают значимыми определенным тип действий отвечающего и отсутствие их очень заметно в разговоре [Heritage 2008]. Выбирая некоторую форму реплики, первые говорящие, по сути, предлагают форму ответа для собеседника. Так, представляясь по имени, отвечающий на звонок в некотором роде предлагает звонящему тоже представиться по имени [Psathas 1995]. Ниже мы раскроем тему очередности как 1) фундаментального принципа, 2) проявления ориентации на сотрудничество, 3) якоря мотивации слушания и 4) ресурса понимания.

Фундаментальность очереди

Очередность является основополагающей для упорядочивания ходов в играх, для регулирования движения автомобилей на перекрестках, при обслуживании клиентов, для ведения собраний, дебатов, конференций, семинаров, терапевтических сессий, судебных заседаний [Сакс и др. 2015]. Все эти формы деятельности требуют учета одним человеком не только своей «эгоцентрической» активности, но и активности других людей, создания «места» для ответной, встречной деятельности других субъектов. В давней работе по психологии детства Айзек указывает на то, что высказывание по очереди – один из сложных уроков, который дети усваивают обычно до пяти лет при содействии взрослого, управляющего разговором. Этот урок заключается в переходе ребенка от импульсивного желания говорить «сейчас

² Эти и другие обсуждаемые ниже черты характеризуют повседневный разговор и не описывают институциональных разговоров (общение в кабинете врача, зале суда, учебном классе и т.п.), в отношении которых действует ряд ограничительных правил, включая более строгую очередность, способы вступления в разговор, продолжительность говорения и др. [см. подробнее: Heritage 1997].

же» и неуверенности в том, что позже будет такая возможность к более доверительному отношению к собеседнику и будущему [там же 2015: 144].

Ориентация на сотрудничество

Общее место различных теорий (социального контракта, игры, мотивации) – в том, что социальные отношения представляют собой компромисс между конкуренцией и кооперацией [Heritage 2008]. Как отмечает Дж. Херитейдж, последовательная организация разговора предоставляет тот ресурс, который склоняет социальное действие к кооперации [там же]. В фундаментальном смысле мы вынуждены сотрудничать в разговоре не только при согласии, но и в ситуациях конфликта – конкурируя за очередь говорить, но при этом давая очередь собеседнику и последовательно отвечая на его реплики. Возникновение задержки с ответом сигнализирует о возникновении проблемы и наличии разъединяющих действий собеседников [там же].

Мотивация слушания

Идея очередности расширяет наши представления о мотивации разговора. Сама система очередности встраивает в разговор внутреннюю мотивацию участников к слушанию [Psathas 1995]. Мы вынуждены отслеживать ход реплик собеседника или группы людей, дабы адекватно реагировать на их реплики (ответом на прозвучавший вопрос, принятием приглашения или комментарием к тому, что было сказано по существу). Мы вынуждены это делать хотя бы для того, чтобы выяснить, выбраны ли мы в качестве следующего говорящего или чтобы гарантировать себе слово в следующем переходе реплики [там же]. Таким образом, не только наш внутренний интерес и вежливость заставляет нас быть внимательным к разговору, но само устройство разговора как системы последовательных действий.

Ресурс понимания

Рассмотрение очередности вносит также вклад в проблематику *понимания разговора*, которая не может быть полноценно раскрыта лишь через анализ схожести системы значений, используемых говорящими [Zimmerman, Boden 1991]. Ресурс для взаимного понимания заключен в возможности сверять свое рабочее понимание реплики собеседника через свою реплику и последующий ответ собеседника. Так, реагируя подходящим образом на первую часть пары «вопрос-ответ», «упрек-извинение», собеседник демонстрирует распознавание и понимание предыдущей реплики именно как вопроса или упрека [Сакс и др. 2015].

Конкуренция за слово, смена и удержание очереди

Основополагающим правилом разговора, сформулированным Саксом для английского языка и затем распространенным на другие языки, является правило «говорит один и не более в конкретный момент времени» [Сакс и др. 2015; Coulthard 1985]. Как подчеркивает М. Коултард, в строгом смысле это именно правило и нормативная черта разговора, а не эмпирический факт, потому что в живом общении мы постоянно сталкиваемся с примерами, когда происходят паузы и наложения [Coulthard 1985].

Х. Сакс, Э. Щеглофф и Г. Джефферсон описали три основных ситуации, в которых происходит смена говорящих: 1) говорящий выбирает следующего говорящего, 2) следующий говорящий сам берет слово, или «осуществляет самовыбор», 3) говорящий может продолжить говорить, пока другой участник не осуществит самовыбор [Сакс и др. 2015]. Кроме того, были подробно описаны техники, которые используют собеседники для передачи хода, выхода из очереди и самостоятельного взятия слова. Сигналы о смене очереди, передачи слова и самостоятельном вступлении могут быть грамматическими, паралингвистическими и кинестетическими, либо комбинацией всех трех [Coulthard 1985].

Способы передачи слова

Передача очереди происходит в так называемых «релевантных местах перехода» – местах, где говорящие могут или должны прекращать говорить, позволяя сказать что-то другим и исключая элементы наложения [Сакс и др. 2015]. Среди грамматических маркеров места возможного перехода и приемов, которые использует говорящий: использование имени следующего говорящего или обращения к нему; повторение части предыдущего высказывания с «вопросительной» интонацией; присоединение «подтвердительного вопроса» и разных типов «повторяющихся оконцовок» (типа: «понимаешь?», «согласен?»); завершение клаузы с комбинацией субъект-предикат [Сакс и др. 2015; Coulthard 1985]. Существуют также специфические просодические сигналы окончания говорения (например, растягивание на конечном слоге), а также кинестетические сигналы: окончание любой жестикуляции руками или расслабление напряженного положения рук [Coulthard 1985]. Взгляд также является инструментом для передачи говорящим своей очереди говорения. Замечено, что завершая свою часть, говорящий обычно смотрит непрерывно на слушателя последние несколько секунд, а в групповой дискуссии обычно человек, на которого говорящий смотрел последним до окончания реплики наиболее вероятно заговорит следующим [там же]. Этот процесс можно сравнить с передачей эстафеты.

Сигналы желания заговорить

Собеседник, которому предлагается слово, но который не стремится говорить, может сохранять тишину, подавать минимальные сигналы подтверждения, согласия и интереса или использовать свою очередь для «хорошо», «да», «угу», указывая, что ему нечего добавить к этому или он желает закрыть текущую тему [Coulthard 1985]. Желая заговорить, но не находя подходящего места для вступления, собеседник может перебить говорящего, но это обычно воспринимается как невежливость [там же]. Слушающие сигнализируют также паралингвистически и кинестетически, в каких местах «возможного завершения» они хотели бы вступить. Здесь можно упомянуть исследование Де Лонга [1974], который анализировал разговоры четырех и пятилетних дошкольников и отметил, что для демонстрации своего намерения перенять очередь дети осуществляют определенные движения телом (приподнятие, опускание, движение влево, вправо, назад, вперед, головой, туловищем, руками, ногами, пальцами) [Coulthard, 1985]. В то же время эти сигналы признаются лишь поддерживающими, а не основными, а смена очереди может

естественно осуществляться и в разговоре по телефону, без визуальных ключей, с меньшими разрывами и более короткими наложениями, с помощью просодических и интонационных паттернов [там же].

Вступление в черед

Базовая приемлемая техника самостоятельного вступления в черед или самовыбора заключается в том, чтобы стартовать первым, и согласуется с принципом «первый стартовавший продолжает» [Сакс и др. 2015]. Для вступления в разговор в качестве пре-старта используются накладывающиеся начала, или присоединения (appositionals), такие как «ну», «но», «и», «так что», которые могут высказываться внахлест окончания реплик собеседника [там же]. Среди ключевых способов подать «сигнал состояния говорящего»: отвод взгляда, начало жестикуляции, явно слышимый вдох, паралингвистическая повышенная громкость [Coulthard 1985].

Конкуренция за очередь и удержание слова

Мы отмечали уже выше, что говорящие одновременно и сотрудничают, и конкурируют за очередь говорить. Наиболее уязвимыми точками для прерывания другим собеседником являются паузы внутри фразы: как было показано в исследовании Фергюсон [1975], треть прерываний возникает в момент таких речевых заполнителей, как «мм...», «ээ...», «понимаешь» [Coulthard 1985]. М. Коултард обобщила найденные в исследованиях способы удержания очереди. Простейшая из них грамматическая техника – «не-завершение» говорящим своего выступления через использование связок клауз («но», «и», «однако» и др.), превращающих потенциально завершенное предложение в незавершенное. Также есть специальные маркеры незавершенности, такие как маркеры начала условных предложений «Если...», «С тех пор как...», предполагающие, что после них будет, как минимум, еще две клаузы, и вынуждающие слушателя дослушать их окончание. Кроме того, защищаясь от прерывания, говорящие избегают прямого взгляда на собеседника. Наконец, говорящие отвергают прерывание другим собеседником, не уступая место через говорение более громким голосом, более высоким тоном голоса, быстрее, нарушая грамматику или фонологию или отмечая факт прерывания [там же].

Принуждение в разговоре: смежные пары

Разговор в широком смысле – форма принуждения друг друга к определенным вербальным действиям, так как, говоря нечто, мы обычно стремимся не только высказать нечто, но и получить взамен реакцию собеседника. В то же время есть элементы разговора сильнее других принуждающие собеседника к выбору формы действия. Таковым является, например, пара «вопрос-ответ»: первая часть (вопрос) делает уместным лишь конкретное действие (ответ), которое собеседнику нужно сделать следующим [Schegloff 1984]. В разговорном анализе эти последовательности называют *смежными парами* – парные реплики, в которых наличие одной реплики предполагает наличие другой.

Подходящий ответ: виды и правила смежных пар

Существуют различные виды смежных пар: вопросы, приветствия, вызовы, предложения, просьбы, жалобы, приглашения, заявления. Для некоторых пар

вторая часть взаимна (приветствие-приветствие), для некоторых – подходит только одна (вопрос-ответ), для некоторых – больше, чем одна (жалоба-извинение/оправдание; просьба – удовлетворение/отказ) [Сакс и др. 2015]. Общая характеристика всех смежных пар: они предполагают два высказывания; высказывания порождаются последовательно различными спикерами; высказывания упорядочены и связаны друг с другом, не любая вторая часть следует за первой, но только подходящая; первая часть пары часто выбирает следующего говорящего и всегда выбирает следующее действие [Coulthard 1985].

Смежные пары – базовые структурные единицы в разговоре [там же]. К примеру, в нем есть обычно открытие через взаимное приветствие («Привет-Привет») и закрытие через взаимное прощание («Пока-Пока»). Базовое правило смежной пары: после произнесения начальной части смежной пары говорящий должен остановиться, после чего следующий говорящий должен начать произносить вторую часть пары того же типа, членом которой является первая пара [Psathas 1995]. Если говорящий не породил подходящую следующую часть пары, он должен показать тем или иным способом, почему он не сделал это, например, из-за неудачи в понимании, слушании, из-за неверного понимания или несогласия [там же].

Дилемма ответа: белые женщины и афро-американские бездомные

Непоявление или отсутствие ситуационно подходящей следующей второй части пары заметно для сторон [Psathas 1995]. Интересный пример можно найти в исследовании афро-американских обитателей тротуаров Нью-Йорка, которые периодически предпринимают попытки вступить в разговор с белыми женщинами среднего класса, задавая им вопросы типа «Как дела?», «Как жизнь?» «Сколько лет Вашей собаке?» [Duneier, Molotch 1999]. Проходящая женщина оказываются в безвыигрышной ситуации. Она может ответить, но тем самым она поучаствует в «открытии разговора». Она может проигнорировать ответ, но обязательства смежных пар порой настолько сильны, что заставляют ее думать, что она будет выглядеть «грубой», что и служит причиной вступить в разговор [там же]. Очевидно, что чисто психологически здесь можно было бы предположить и другие факторы, влияющие на поведение женщины: например, наличие у нее опасения спровоцировать своим неответом гнев незнакомца. Однако конверсационные аналитики фокусируются лишь на очевидных интеракционных элементах разговора, демонстрируя то, как сама структура разговора вынуждает нас выбирать то или иное действие,

Отказы, отклонения, оправдания: непередпочтительные части в разговоре

Можно говорить о *передпочтительных* и *непередпочтительных* вторых частях смежной пары [Levinson 1983; Pomerantz 1984]. Например, приглашения больше предполагают принятие, чем отказ, и это имеет не только психологическую подоплеку, но и лингвистическую. Передпочтительные вторые части (принятие приглашения) не требуют дополнительного пояснения и появляются как структурно более простые реплики, в то время как непередпочтительные (отказ на чужое приглашение, не-ответ или уход от ответа на вопрос и пр.) структурно-лингвистически более сложны [Levinson 1983]. Непередпочтительные вторые части обычно маркируются и распознаются по: задержке – паузе перед репликой; предваряющим замечаниям

и использованию маркеров-оповестителей непредпочтения («ух», «ну»); выражению признательности (для предложений, приглашений, рекомендаций, советов); использованию извинений (для просьб, приглашений); «отчетам» или аккуратно сформулированным объяснениям того, почему непредпочтительный акт (отказ, неприятие и пр.) был осуществлен и др. [Coulthard 1985].

Существуют также общие объяснения для «пред-приглашений», «пред-просьб», «пред-договоренностей» как психологически мотивированных структур, позволяющих перестраховаться и избежать «потери лица», в случае если собеседник выберет непредпочтительную вторую пару [там же]. Например, фраза «Что делаешь сегодня вечером?», предваряющая приглашение «Приходи в гости», страхует приглашающего от получения прямого отказа, а приглашаемого от необходимости обоснования и прямого выражения нежелания принимать приглашение. В целом, идея предпочтения оказывается мощным концептом, способным объяснять множество разговорных феноменов, когда говорящие стремятся избежать выражения непредпочтительных вторых частей пары (отказов, ответа и т.п.) [там же].

Истории как растянутые последовательности

С точки зрения длины и сложности смежных пар, можно говорить о 1) двухчастных парах (приветствия, открытие разговора, закрытие), 2) четырехчастных последовательностях (например, структура пред-приглашения: вопрос о том, насколько человек свободен в определенную дату, его ответ, собственно приглашение и получение ответа на приглашение) и 3) растянутых последовательностях типа историй, также имеющих свою сложную структуру [Psathas 1995].

Сакс в своих лекциях первым обратил внимание на значение структуры «сторителлинга», или рассказывания историй в разговоре. История обычно имеет предисловие, в котором рассказчик проектирует предстоящую историю, а помимо того запрашивает право «произвести продолжительную речь» и отмечает, что речь будет интересной [там же]. Далее следует смена очереди, в которой собеседник подтверждает это право и обозначает себя как воспринимающего историю; очередная смена, в которой рассказчик собственно рассказывает историю, и следующая смена, в которой воспринимающий историю что-то говорит, соотносясь как-то с историей [там же]. В этом смысле рассказчик удерживает слово и продолжительное время очереди через рассказ истории, не закончив которую смена хода и говорящих не происходит. Изучение способа рассказывания историй особенно интересно с учетом возросшей популярности в психологии к нарративам, нарративной консультативной практике [Сарбин 2004; Брунер 2005; Уайт 2010], а также интересу прикладных областей и популярной психологии к сторителлингу как жанру речевого влияния [Симмонс 2013].

Заключение

Разработка специального подхода к изучению разговоров и активизация его исследований последние несколько десятилетий во многом опирается на базовое допущение, что даже самый простейший разговор обладает собственным внутренним порядком, который целесообразно рассматривать в своих собственных терминах, не сводя к чисто языковым, социальным, мотивационным или личностным

факторам. Это допущение, наиболее ясно сформулированное Х. Саксом, легло в основу метода конверсационного анализа [Psathas 1995]. В исследовательской практике допущение о наличии собственной структуры у разговора означает, что мы воздерживаемся от трактовки, например, деловых переговоров как процесса, управляемого целями и намерениями участников, в котором они адаптируют свои стратегии, следуют планам игры, совершают маневры, подсчитывают очки или попадают в капканы [Boden 1995]. Скорее это означает трактовку переговоров как процесса, который упорядочен во времени и в котором любая стартовая позиция, вне зависимости от того, насколько она сильна или просчитана участником, опосредована интеракционными элементами разговора в их развертке [там же].

Среди других допущений, на которые опирается конверсационный анализ и которые находят сегодня свое подтверждение в эмпирических данных: порядок (структура, организация) разговора поддается обнаружению, описанию и анализу; собеседники ориентируются, поддерживают и направляют друг друга к этому порядку; последовательность организации разговора придает ему смысл, а ее нарушение угрожает смыслу; порядок, динамика, последовательность разговора может быть описана в формальных, не связанных с конкретным содержанием терминах; обыденный разговор – основа всех других форм разговора (институциональных форм, типа разговора в суде, на экзамене, в СМИ и т.д.).

Обобщая все сказанное выше, отметим, что конверсационный анализ возник как метод прямого, описательного изучения микроструктуры и динамики разговора. Как мы могли видеть, его отличает: интерес к разговору-во-взаимодействии, фокус на изучение организации последовательностей (реплик, «ходов» или очередей, действий участников взаимодействия); внимание к повседневным феноменам и полевые условия сбора данных; стремление к описательной близости к феноменам и описательно-аналитический качественный тип исследования; формальный аппарат кодирования данных; внимание к экстралингвистическим чертам в разговоре (паузы, ударения, громкость, смех и др.). В этих методологических установках можно проследить влияние традиций этнометодологии с ее интересом к практикам порождения социального порядка в повседневной жизни; интеракционизма с его вниманием к взаимодействию лицом-к-лицу; социального конструктивизма с его вниманием к тому, как феномены конструируются говорящими через язык, действия и отношения; феноменологии с ее вниманием к «как» и деталям процесса, избеганием предзаданных представлений и индуктивным подходом.

Литература

Арутюнова Н.Д. Перформатив // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: 1990. – С.372-373.

Бейтсон Г. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии, эпистемологии. – М.: Смысл, 2000. – 476 с.

Брунер Дж. Жизнь как нарратив // Постнеклассическая психология. Социальный конструкционизм и нарративный подход. – 2005. – № 1 (2). – С. 9-30.

Бусыгина Н.П. Методология качественных исследований в психологии. – М.: ИНФРА-М, 2013. – 304 с.

Вацлавик П., Бивин Дж., Джексон Д. Психология межличностных коммуникаций. – СПб.: Речь, 2000. – 304 с.

Выготский Л.С. Собрание сочинений. В 6-ти тт. – Т. 2. – М.: Педагогика, 1982. – 504 с.

Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. – СПб.: Питер, 2007. – 335 с.

Гофман И. Порядок взаимодействия // Социология власти. – 2014. – № 1. – С. 163-199.

Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. – М.: Канон-Пресс, 2000. – 304 с.

Земская Е.А. Русская разговорная речь. Лингвистический анализ и проблемы обучения: учебное пособие. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Флинта, 2011. – 240 с.

Зимняя И.А. Речевая деятельность и психология речи // Основы теории речевой деятельности / Под ред. А.А. Леонтьева. – М.: Наука, 1974. – С. 64-72.

Исупова О.Т. Конверсационный анализ: представление метода // Социология 4М. – 2002. – № 15. – С. 33-52.

Корбут А.М. Говорите по очереди: нетехническое введение в конверсационный анализ // Социологическое обозрение. – 2015. – Т. 14. № 1. – С. 120-141.

Кутковая Е.С. Дискурс-анализ эмоций и теория позиционирования в исследовании социального события // Психологические исследования. – 2014. – Т. 7, № 34. – С. 6-18.

Лабов У. Исследование языка в его социальном контексте // Новое в лингвистике: Социолингвистика. – Вып. 7. – М., 1975. – С. 96-181.

Леонтьев А.А. Деятельностный ум. Деятельность, знак, личность. – М.: Смысл, 2001. – 392 с.

Леонтьев А.А. Прикладная психолингвистика речевого общения и массовой коммуникации. – М.: 2008. – 272 с.

Леонтьев А.А. Речевая деятельность // Основы теории речевой деятельности / Под ред. А.А. Леонтьева. – М.: Наука, 1974. – С. 21-28.

Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: Гнозис: 2003. – 280 с.

Остин Дж.Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. Сборник / Общ. ред. Б.Ю. Городецкого. – М.: Прогресс, 1986. – С. 22-129.

Сакс Х., Щеглофф Э., Джефферсон Г. Простейшая систематика организации очередности в разговоре // Социологическое обозрение. – 2015. – Т.14. № 1.

Сарбин Т.Р. Нарратив как базовая метафора для психологии // Постнеклассическая психология. Журнал конструкционистской психологии и нарративного подхода. – 2004. – № 1. – С. 6-28.

Семенова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. – М.: Добросвет, 1998. – 289 с.

Симмонс А. Сторителлинг. Как использовать силу историй. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. – 272 с.

Тарасов Е.Ф. Социолингвистические проблемы теории речевой коммуникации // Основы теории речевой деятельности. / Под ред. А.А. Леонтьева. – М.: Наука, 1974. – С. 255-273.

Турчик А.В. Конверсационный анализ речевого взаимодействия в ситуации исследовательского интервью: дисс. ... канд. социол. наук. – М., 2010. – 173 с.

Уайт М. Карты нарративной практики: Введение в нарративную терапию. – М.: Генезис, 2010. – 326 с.

Улановский А.М. Теория речевых актов и социальный конструкционизм // Постнеклассическая психология. Журнал конструкционистской психологии и нарративного подхода. – 2004. – № 1. – С.88-98.

Улановский А.М. Феноменологическая психология: качественные исследования и работа с переживанием. – М.: Смысл, 2012. – 255 с.

Фрейд З. Психопатология обыденной жизни. – М.: Азбука-классика, 2006. – 224 с.

Хаймс Д. Этнография речи // Новое в лингвистике: Социолингвистика. – Вып. 7. – М.: Прогресс, 1975. – С.42-95.

Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. – М.: РОССПЭН, 2004. – 1056 с.

Bales, R. F. (1951). *Interaction Process Analysis: A method for the study of small groups*. Cambridge, Mass.: Addison-Wesley.

Benson, D., & Hughes, J. (1991). *Method: Evidence and inference-Evidence and inference for ethnomethodology*. In G. Button (Ed.), *Ethnomethodology and the human sciences* (pp. 109-136). Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Berelson, B. (1952). *Content Analysis in Communication Research*. Glencoe, Ill: Free Press.

Berry, M. (1981). *Systemic linguistics and discourse analysis: A multi-layered approach to exchange structure*. In M. Coulthard & M. Montgomery (Eds.), *Studies in Discourse Analysis* (pp. 120-145). London: Routledge & Kegan Paul.

Boden, D. (1994). *The business of talk*. Cambridge: Polity Press.

Boden, D. (1981). *Agendas and arrangement: Everyday negotiations in meetings*. In A. Firth (Ed.), *Discourse of negotiations: Studies of language in the workplace* (pp. 83-100). Oxford: Pergamon.

Coulthard, M. (1985). *An Introduction to Discourse Analysis* (2nd ed.). London: Longman.

Coulthard, M., & Montgomery, M. (1981). (Eds.) *Studies in Discourse Analysis*. London: Routledge & Kegan Paul.

Drew, P., & Heritage, J. (1992). *Analyzing talk at work: an introduction*. In *Talk at work: interaction in institutional settings* (pp. 3-65). Cambridge: Cambridge University Press.

Duneier, M., & Molotch H. (1999). *Talking City Trouble: Interactional Vandalism, Social Inequality, and the 'Urban Interaction Problem'*. *American Journal of Sociology*, 104 (5), 1263-95.

Firth, J. (1957). *Papers in linguistics 1934-51*. London: Oxford University Press.

Garfinkel, H., & Sacks, H. (1970). *On formal structures of practical actions*. In J. C. McKinney & E. A. Tiryakian (Eds.), *Theoretical sociology* (pp. 338-366). New York: Appleton-Century-Crofts.

Gatica-Perez, D. (2009). *Automatic nonverbal analysis of social interaction in small groups: A review*. *Image and Vision Computing*, 27 (12), 1775-1787.

Gergen, K. J. (1994). *Realities and relationships: soundings in social construction*. Cambridge (MA): Harvard University Press.

Gottschalk, L. A., Lolas, F., & Viney L. L. 1986. (Eds.) *Content analysis of verbal behavior. Significance in Clinical Medicine and Psychiatry*. Berlin: Springer-Verlag.

Grice, P. (1975). *Logic and conversation*. In P. Cole & J. Morgan, *Syntax and semantics*. 3: *Speech acts* (pp. 41-58). New York: Academic Press.

Halliday, M. A. K. (1978). *Language as social semiotic: The social interpretation of language and meaning*. Maryland: University Park Press.

Halliday, M., & Hasan R. (1989). *Language, context, and text: Aspects of language in a social-semiotic perspective*. Oxford/New York: Oxford University Press.

Harré, R., Moghaddam, F., Cairnie, T., Rothbart, D., & Sabat S. (2009). Recent advances in positioning theory. *Theory and Psychology*, 19(1), 5-31.

Heritage, J. (2008). *Conversation analysis as social theory*. In B. Turner (Ed.), *The new Blackwell companion to social theory* (pp. 300-320). Oxford, UK: Blackwell.

Heritage, J. (1997). *Conversation Analysis and Institutional Talk: Analysing Data*. In D. Silverman (Ed.), *Qualitative Research: Theory, Method and Practice* (pp. 161-182). London: Sage.

Hindmarsh, J., Llewellyn, N. (2010). *Finding organisation in detail: methodological orientations*. In *Organisation, Interaction and Practice. Studies in ethnomethodology and conversation analysis* (pp. 24-46). Cambridge: Cambridge University Press.

Levinson, S. C. (1983). *Pragmatics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.

Llewellyn, N., & Hindmarsh, J. (2010). *Work and organisation in real time: an introduction*. In *Organisation, Interaction and Practice. Studies in ethnomethodology and conversation analysis* (pp. 3-23). Cambridge: Cambridge University Press.

Miller, Ch. (2010). *Interaction process analysis*. In *Encyclopedia of group processes and intergroup relations* (pp. 459-462). Thousand Oaks: Sage.

Oswick, C., & Richards, D. (2004). *Talk in organizations: local conversations, wider perspectives*. *Culture and Organization*, 10 (2), 107-123.

Pennebaker, J. W. (2011). *The Secret Life of Pronouns: What Our Words Say About Us*. New York: Bloomsbury Publishing.

Pomerantz, A. (1984). *Agreeing and disagreeing with assessments: some features of preferred/dispreferred turn shapes*. In J. Atkinson and J. Heritage (Eds.), *Structures of social action* (pp. 57-101). Cambridge: Cambridge University Press.

Potter, J. (2003). *Discourse Analysis and Discursive Psychology*. In P. M. Camic et al. (Eds.), *Qualitative research in psychology: Expanding perspectives in methodology and design* (pp. 73-94). Washington, DC.

Potter, J., & Hepburn, A. (2010). *A kind of governance: rules, time and psychology in organisations*. In *Organisation, Interaction and Practice. Studies in ethnomethodology and conversation analysis* (pp. 49-73). Cambridge: Cambridge University Press.

Psathas, G. (1995). *Conversation analysis: the study of Talk-in-Interaction*. Thousand Oaks: Sage.

Sacks, H. (1992). *Lectures on Conversation*. Oxford: Blackwell Publishing.

Sacks, H. (1984a). *Notes on Methodology*. In M. Atkinson & J. Heritage (Eds.), *Structures of Social Action: Studies in Conversation Analysis* (pp. 2-27). Cambridge: Cambridge University Press.

Sacks, H. (1984b). On doing “being ordinary”. In M. Atkinson & J. Heritage (Eds.), *Structures of Social Action: Studies in Conversation Analysis*. Cambridge: Cambridge University Press.

Schegloff, E. A. (1984). On some questions and ambiguities in conversation. In M. Atkinson & J. Heritage (Eds.), *Structures of Social Action: Studies in Conversation Analysis* (pp. 28-52). Cambridge: Cambridge University Press.

Schegloff, E. A. (1993). Reflections on quantification in the study of conversation. *Research on Language and Social Interaction*, 26 (1), 99-128.

Shotter, J. (1993). *Conversational realities: constructing life through language*. Thousand Oaks: Sage.

Silverman, D. (2000). Routine pleasures: The aesthetics of the mundane. In S. Linstead & H. Hopfl (Eds.), *The aesthetics of organization* (pp. 130-153). London: Sage.

Sinclair, J., & Coulthard, R. (1975). *Towards an analysis of discourse*. Oxford: Oxford University Press.

Stivers, T., & Rossano, F. (2010). Mobilizing Response. *Research on Language & Social Interaction*, 43 (1), 3-31.

van Dijk, T. A. (1999). Critical discourse analysis and conversation analysis. *Discourse and Society*, 10 (4), 459-460.

van Dijk, T. A. (2001). Critical Discourse Analysis. In D. Tannen, D. Schiffrin & H. Hamilton (Eds.), *Handbook of Discourse Analysis* (pp. 352-371). Oxford: Blackwell.

Winter, D. G. (1992). Content analysis of archival materials, personal documents, and everyday verbal productions. In Ch. P. Smith (Ed.), *Motivation and personality: Handbook of thematic content analysis* (pp. 110-125). Cambridge: Cambridge University Press.

Zimmerman, D. H., & Boden, D. (1991). Structure-in-Action: An Introduction. In *Talk and Social Structure. Studies in Ethnomethodology and Conversation Analysis* (pp. 3-21). Berkeley/Los Angeles: University of California Press.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ахутина Татьяна Васильевна – доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией нейропсихологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, факультет психологии, e-mail: akhutina@mail.ru

Бгажноков Барасби Хачимович – доктор исторических наук, профессор, Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН, г. Нальчик, Россия, e-mail: bbarasbi@yandex.ru

Бубнова Ирина Александровна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой зарубежной филологии ГАОУ ВПО города Москвы «Московский городской педагогический университет», e-mail: kafedragf@mail.ru

Василевич Александр Петрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой лингводидактики МГОУ, e-mail: basilevich@mail.ru

Дебрени Мишель – доктор филологических наук, профессор кафедры французского языка факультета иностранных языков, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, e-mail: micheledebrenne@gmail.com

Дьяков Сергей Иванович – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Филиала МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе, Крым, Россия, e-mail: sd333@mail.ru

Журавлев Игнатий Владимирович – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник отдела психолингвистики Института языкознания РАН, e-mail: semiotik@yandex.ru

Залевская Александра Александровна – заслуженный деятель науки РФ, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка Тверского государственного университета, e-mail: aazalev@mail.ru

Кирилина Алла Викторовна – доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе Московского института лингвистики, e-mail: alkira@list.ru

Клименко Анна Петровна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лексикологии английского языка Минского государственного лингвистического университета (РБ, Беларусь), e-mail: annaklimenko32@gmail.com

Колмогорова Анастасия Владимировна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации ФГОУ ВПО «Сибирский федеральный университет», e-mail: nastiakol@mail.ru

Леонтьев Дмитрий Алексеевич – доктор психологических наук, профессор, зав. лабораторией, e-mail: dleontiev@hse.ru

Леонтьева Анна Алексеевна – кандидат психологических наук, старший преподаватель, Высшая школа экономики (Национальный исследовательский университет), e-mail: anna.a.leontieva@gmail.com

Ли Тоан Тханг – доктор филологических наук, профессор Вьетнамского института лексикографии и энциклопедий Вьетнамской академии общественных наук, e-mail: lytoanthang47@gmail.com; lytoanthang@yahoo.com

Мардиева Ляйля Агьдасовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и прикладной лингвистики Института филологии и межкультурной коммуникации им. Льва Толстого Казанского федерального университета, e-mail: layka66@mail.ru

Маховиков Денис Викторович – кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела психолингвистики Института языкознания РАН, e-mail: denisrich2708@yandex.ru

Наумова Татьяна Николаевна – доктор филологических наук, г. Перт, Австралия, e-mail: naumovatanya7@gmail.com

Никуличева Дина Борисовна – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора германских языков Института языкознания РАН, e-mail: nikoulitcheva@yandex.ru

Нистратов Александр Алексеевич – научный сотрудник факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, e-mail: a.nistratov@mail.ru

Онякова Анна Леонидовна – аспирант 2-го года обучения кафедры дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, e-mail: Anita14592@mail.ru

Рудакова Александра Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего языкознания и стилистики ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», e-mail: a-rudakova@list.ru

Ружицкий Игорь Васильевич – кандидат филологических наук, доцент, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся филологического факультета, e-mail: konnitie@mail.ru

Сигал Кирилл Яковлевич – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом экспериментальных исследований речи Института языкознания РАН, e-mail: kjaseagal@yandex.ru

Стернин Иосиф Абрамович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего языкознания и стилистики ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», e-mail: sterninia@mail.ru

Тарасов Евгений Федорович – доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом психолингвистики Института языкознания РАН, e-mail: eft35@mail.ru

Терентий Ливиу Михайлович – кандидат политических наук, ректор Московского института лингвистики, e-mail: info@inyaz-mil.ru

Улановский Алексей Маркович – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Международной лаборатории позитивной психологии личности и мотивации НИУ ВШЭ, e-mail: a.m.ulanovsky@gmail.com

Уфимцева Наталья Владимировна – доктор филологических наук, профессор, зав. сектором этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, e-mail: nufimtseva@yandex.ru

Ушакова Татьяна Николаевна – действительный член Российской академии образования, доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института психологии РАН, e-mail: tn.ushakova@gmail.com

Чжао Цюе (Zhao Qiuye) – директор Института славянских языков Харбинского педагогического университета Китая, профессор, доктор филологических и педагогических наук, e-mail: qiuyezh@163.com

Шапошникова Ирина Владимировна – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник ИФЛ СО РАН, заведующая кафедрой истории и типологии языков и культур Новосибирского государственного университета, e-mail: i.shaposhnickowa@yandex.ru

Шаховский Виктор Иванович – доктор филологических наук, заслуженный деятель науки РФ, профессор каф. языкознания Волгоградского гос. социально-педагогического ун-та, e-mail: shakhovsky2007@yandex.ru

Юрьева Надежда Михайловна – доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела экспериментальных исследований речи Института языкознания РАН, e-mail: o.yuriev@list.ru

ПРАВИЛА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСИ

Рукопись должна быть отправлена по электронной почте на адрес редколлегии журнала: editorial-vpl@yandex.ru.

Текст должен быть хорошо вычитан. Статьи, содержащие ошибки и опечатки, к рецензированию и публикации не принимаются.

Рукопись проходит обязательное рецензирование. О результатах рецензирования автору сообщается по контактными адресам и/или телефонам.

Об очередности опубликования статей, получивших положительный отзыв рецензента, принимает решение редколлегия.

Научные статьи в журнале публикуются бесплатно.

Рукописи оформляются по данному ниже образцу.

УДК

ЗАГОЛОВОК СТАТЬИ

Фамилия, имя, отчество автора

должность, место работы

адрес

электронный адрес

Аннотация на русском языке (150-250 слов)

(Структура аннотации должна быть в соответствии с логикой статьи: тема, предмет/объект, цель, методы, результаты, итог)

Ключевые слова на русском языке

Основной текст статьи

Рекомендуемая структура основного текста:

Введение

Тематические подзаголовки

Дискуссия (обсуждение)

Резюме (выводы)

Литература (на языке оригинала источника)

Название статьи на английском языке, сведения об авторе/авторах на английском языке, аннотация на английском языке, ключевые слова на английском языке и транслитерированная (с переводом) литература помещаются **после основного текста статьи**.

Аннотация на английском языке должна быть переводом аннотации на русском языке.

ЗАГОЛОВОК СТАТЬИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Фамилия, имя, отчество автора **на английском языке**

должность, место работы **на английском языке**

адрес **на английском языке**

электронный адрес

Abstract (англ.)

Keywords (англ.)

References (англ.) – транслитерация (см. <http://ru.translit.ru/?account=bgn>) и [перевод на англ. яз].

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ОСНОВНОГО ТЕКСТА

Общий объем текста статьи – до 40 000 знаков.

Текст статьи набирается на компьютере; гарнитура – NewTimesRoman,

Размер шрифта – 14; поля – 2,5 см. с каждой стороны; интервал между строками – 1,5 см.; абзацный отступ – 1.25.

Абзацный отступ необходимо задавать автоматически. Знаками табуляции и клавишей пробела при установлении абзацного отступа не пользоваться.

В тексте должны различаться прописные и строчные буквы, а также символы: О (буква) и 0 (цифра); 1 (единица) и I (римская единица или прописная буква «i»), - (дефис) и – (тире).

Век обозначается римскими цифрами (XIX в.).

Цифры, числа и дроби, математические символы набираются прямым стандартным шрифтом.

Таблицы

Таблицы используются исключительно для представления данных, которые не могут быть описаны в тексте.

Слова в таблицах пишутся полностью.

Указание номера таблицы *Таблица №* дается перед таблицей (выравнивание по правому краю, точка после номера не ставится).

Ниже дается название таблицы (выравнивание по центру, точка после названия не ставится).

Размер шрифта текста в таблице – 12, интервал между строками – 1,0 см.; абзацный отступ – «нет».

Ниже дан образец оформления таблицы.

Таблица №1

Название таблицы

Название таблицы		

Сноски

Оформление текста сносок: Размер шрифта – 10; строками – 1,0 см.; абзацный отступ – 1.25.

Ссылка на грант дается в сноске после названия статьи по образцу: *Исследование выполнено при поддержке гранта (финансирующая организация) №, название.*

Иллюстрации

В качестве иллюстраций допускаются только четкие рисунки, графики и схемы, а также фотографии. На все иллюстрации должны быть ссылки в тексте статьи.

Размер одного штрихового рисунка не должен выходить за рамки текстовых границ. Все детали рисунка при его уменьшении должны быть хорошо различимы.

Иллюстрации нумеруются единой порядковой нумерацией и снабжаются краткими и точными подписями.

Литература

Литература оформляется в соответствии с действующими нормами ГОСТ Р 7.0.5-2008 (для e-library).

Список литературы дается в алфавитном порядке с указанием количества страниц для каждого источника.

Номер источника по порядку не ставится.

Лексикографические источники и интернет-документы указываются в общем списке источников.

Ссылка на источник в тексте дается в квадратных скобках непосредственно после цитаты (автор, год, страница): [Иванов 2000: 18].

Источники на русском языке

Статья в журнале (сборнике):

Адорно Т.В. К логике социальных наук // *Вопр. философии.* – 1992. – № 10. – С. 76-86.

Монография:

Тарасова В.И. Политическая история Латинской Америки : учеб. для вузов. – 2-е изд. – М.: Проспект, 2006. – С. 305-412.

Диссертация:

Фенухин В.И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона : дис... канд. полит. наук. – М., 2002. – С. 54-55.

Автореферат диссертации:

Глухов В.А. Исследование, разработка и построение системы электронной доставки документов в библиотеке: Автореф. дис. канд. техн. наук. – Новосибирск, 2000. – 18 с.

Интернет-документ:

Официальные периодические издания: электронный путеводитель / Рос. нац. б-ка, Центр правовой информации [СПб.], 2005-2007. URL: <http://www.nlr.rirfawcenter/izd/index.html> (дата обращения: 18.01.2007).

Источники на английском или другом иностранном языке (оригинал)

Монография:

Baker, M. (1992). In Other Words. London: Routledge. 301p.

Статья:

Alexieva, B. (1997). A Typology of Interpreter-Mediated Events. The Translator Vol. 2. No. 2. 153–175.

Источники с транслитерацией и переводом на английский язык

Монография:

Nenashev M.F. Poslednee pravitel'stvo SSSR [Last government of the USSR]. Moscow, Krom Publ., 1993. 221 p.

Статья:

Zagurenko A.G., Korotovskikh V.A., Kolesnikov A.A., Timonov A.V., Kardymon D.V. Tekhniko-ekonomicheskaya optimizatsiya dizaina gidrorazryva plasta [Techno-economic optimization of the design of hydraulic fracturing]. *Neftyanoe khozyaistvo — [Oil Industry]*, 2008, no. 11, pp. 54—57.

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Рады сообщить, что Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки России журнал «Вопросы психолингвистики» включен в новый Перечень российских рецензируемых научных журналов (2015 год), в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Также сообщаем, что журнал «Вопросы психолингвистики» включён в Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science. Полный список журналов, вошедших в RSCI, доступен по ссылке:

http://wokinfo.com/media/pdf/RSCI_Journal_List.pdf

а также при поиске на e-library:

http://elibrary.ru/projects/blogs/post/2015/12/17/WoS_7.aspx

Оформить подписку на журнал «Вопросы психолингвистики» можно в любом отделении Роспечати. Подписной индекс 37152.

Свои вопросы и предложения Вы можете отправлять на электронный адрес редакции editorial-vpl@yandex.ru

Редколлегия

